

«Знаю, есть неизвестная Широта из широт»

Ревекка Фрумкина

Заметки по поводу

Основательница жанра

У газеты юбилей, и одним из её постоянных авторов является Ревекка Марковна Фрумкина, деятельность которой меня восхищает. Много лет назад мы с ней встречались на круглых столах в журнале «Знание-сила». Никогда не пойму, как она умудряется так много читать. В гуманитарных науках профессиональные рецензии отмерли еще в советское время. Писали друзья, если их об этом долго просили, или враги – по собственному почину. Интеллектуальная ценность тех и других была практически одинакова.

Р.М. Фрумкина по сути создала новый научно-литературный жанр. Она не оценивает книги (насколько могу судить, о плохих книгах она просто не пишет), а извлекает из них общезначимый, наддисциплинарный смысл. Это очень сложно. Надо не только внимательно прочесть и понять книгу, но и взять из нее главное. Я на это не способен. Когда я занят какой-то собственной темой (а паузы бывают редко), я вижу в чужих текстах главным образом то, что как-то вписывается в мои собственные интересы, хотя для автора это может быть второстепенным и проходным.

Разумеется, я могу понять чужой замысел, но для этого мне надо напрячься, а Р.М. делает это легко и непринужденно. Вероятно, это особенности стиля мышления. После ее рецензий всегда хочется прочитать представленную ею книгу, но практически до этого никогда не доходит. Пока соберешься достать книгу, успеваешь забыть о своем желании. Как Р.М. сохраняет такую живость восприятия, причем в очень широком спектре? Впрочем, возможно, она сама этого не знает.

Боюсь, что продолжателей у Р.М. Фрумкиной не будет. Этого не позволяет законности, да и законы психологии. Чтобы писать такие рецензии, надо быть ученым очень высокого класса, а у таких людей мало свободного времени. Да и альтруизм сейчас как-то не в моде.

Соискание чего?

Еще газета пишет об ученых степенях. Тема не новая. По старому анекдоту, в первые послевоенные годы, при карточной системе, в советском обществе существовали следующие классы: литерАторы (получавшие карточку «Литер А»), литерВетеры, торгсиньоры, блатмайоры и коекакеры. Кандидатская степень давала право на «Литер Б», а процедуру её получения называли защитой диссертации на соискание литерной карточки. Потом карточки отменили, но кандидатская степень оставалась своего рода пожизненной рентой. О защите слабой диссертации говорили: «Полчаса позора, зато степень на всю жизнь». Затем кандидаты наук стало как собак нерезаных, человек и рента (например, прикрепление к академической поликлинике) стали начинаться с доктора. Что поделаешь – инфляция. А теперь и докторские степени предлагают отменить.

Формальные критерии оценки качества труда в гуманитарных дисциплинах не работают. Академическая отчетность все время совершенствуется. Каждый раз, заполняя годовую отчет, ясно вижу, что я бездельник и зарплату мне платят зря. В общем-то среди научных сотрудников издавна было два полюса. Те, кто давал реальную продукцию, небрежно составляли планы и отчеты, зато у тех, кто ничего не производил, отчетность всегда была в порядке, и при любой проверке неприятности администрации доставляла исключительно первая категория. Но патриархальный бюрократ старой формации мог что-то и забыть.

Теперь знаковые, ключевые слова постоянно обновляются, а бюрократ вооружен ничего не забывающим компьютером. Это страшная опасность. Пережитки феодализма в наших условиях – не роскошь, а средство выживания. Причем не только отдельных ученых, но подчас и самой науки, польза коей – для кого и для чего? – не всегда самоочевидна. «Так как наука сия, по шаткости своих начал, всегда дает повод к поползновению...». Это – из рескрипта времен Николая I, запрещавшего преподавание философии.

Игорь Кон

Вас может совсем не занимать биология. Вы не обязаны знать что-либо о биофаке МГУ вообще, и о кафедре беспозвоночных в частности. Вы можете весьма смутно представлять себе, где находится Беломорская биологическая станция МГУ (ББС, <http://wsbs-msu.ru/>) и зачем она вообще нужна. Хотя книга, о которой далее пойдет речь, как раз именно обо всем этом. Но она прежде всего о времени и людях. Вот если вам неинтересно это – тогда книгу Е. Каликинской «Страна ББС» (М., 2008) не стоит и открывать, тем более, что это солидный том – почти 500 страниц текста и много фотографий.

Книга «Страна ББС»

Лет двадцать пять я ничего не слышала о жизни на ББС; те, кто туда регулярно ездил и потом взахлеб о биостанции рассказывал – а это были главным образом старшекласники и студенты – дети моих друзей, – они нынче почти все далеко, от Германии до Австралии.

И вот под одной обложкой оказались собраны среди прочего и их воспоминания. Рассказы постоянных и временных сотрудников биостанции, школьников и студентов, строивших станцию, проходивших там практику и приезжавших «просто так», составляют большую часть книги, рамки которой охватывают период с 1938 по 1987 г.

Например, читаем на стр. 199:

Рассказывает Андрей Клеев, доктор физико-математических наук, сотрудник Института физических проблем РАН:

«Я впервые поехал на биостанцию в 1974 году. Я был школьником 57-й школы, и меня пригласил на станцию Володя Кособоков. Тогда строилась высоковольтная линия...».

Так в основном скомпонована книга.

Одни рассказчики – очень известные люди, например Симон Эльевич Шноль, Татьяна Лазаревна Беэр; имена других известны преимущественно в кругу коллег – биологов, математиков, физиков. Нынешние доктора физ.-мат. наук и профессора разных, в том числе и зарубежных, университетов тогда были старшекласниками московских школ, главным образом 57-й и 91-й, или студентами, притом не обязательно биофака: много народу приезжало с Физтеха, мехмата и физфака МГУ, кто-то из мединститута и т.д.

Большинство из них занимались вовсе не биологией, потому что настоящую ББС предстояло еще построить и оборудовать. Вот это и делалось собственными силами под руководством уникального человека – директора ББС Николая Андреевича Перцова. Причем почти без техники, буквально собственными руками.

Н.А. Перцов

Книга во многом строится вокруг процесса сооружения и обустройства ББС и повествования о том уникальном стиле коллективной жизни, который был создан именно Перцовым. В той или иной степени о Н.А. Перцове упоминают почти все рассказы, многие – как об учителе, но большинство – прежде всего как об учителе жизни, хотя

Перцов был биологом высокой квалификации и занятия наукой оставил только тогда, когда на станции сгорели его дом, библиотека и все подготовленные материалы. 60-е – 70-е годы – это ведь эпоха стройотрядов. Что такое стройотряд как социальный феномен, пусть напишут те, кто специально занимался его социологическим изучением. Общеизвестно одно: в официальных стройотрядах тогда уже неплохо зарабатывали, а в стройотрядах на ББС не платили, так что ехали туда совсем за другим: говоря тогдашним языком, ехали за романтикой. Надо сказать, что и по тем меркам в таком тяжелом труде, как, например, прорубание просеки и рытье ям в скальном грунте под столбы ЛЭП в условиях Севера, т.е. с мошкой и комарами и в отсутствие нормального жилья, – романтику надо еще углядеть.

Решающую роль в регулярном привлечении на ББС ребят из математических классов сыграл Николай Николаевич Константинов, и начиная

Н.А. Перцов

с 1967 г. 57-я, 91-я и 179-я московские школы поставляли на ББС будущую математическую элиту, представители которой пока что учились всему, включая топку печки и умению класть кирпичи.

Возможность попасть на ББС матшкольниками почиталась за счастье, о чем я постоянно слышала от них самих. Мне тоже очень хотелось побывать на Русском Севере, но не в условиях байдарочного похода, что тогда было бы самым естественным путем. Однако именно ребята и отговорили меня от попыток поехать на ББС хоть на неделю, объяснив, что мне это просто не по здоровью.

Николай Андреевич Перцов прошел войну, начав ее в 1941 г., – как многие его ровесники, после 10 класса – замечу, 57-й московской школы. На ББС он попал после окончания университета. Впрочем, точнее было бы сказать, что в 1951 г. он стал начальником еще не ББС, а чего-то, что существовало к тому моменту в весьма условном модусе походного пристанища без элементарного жизнеобеспечения. Тогда же он женился

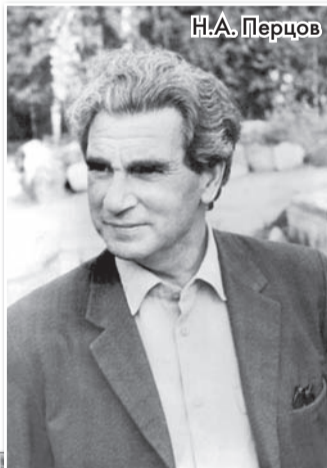
Стройка

на Наталье Михайловне, ранее приезжавшей в те места на практику, – и дальнейшая жизнь этой семьи стала уже неотъемлемой от ББС.

Книга и состоит из рассказов тех, кто разделил эти жизни и эти судьбы и вместе с тем сделал их воз-

можными, потому что без молодежи, создававшей под руководством Перцова ББС и занимавшейся там научными исследованиями, сам феномен ББС как стиль жизни не состоялся бы.

Н.А. Перцов

Татьяна Бахмач

История ББС и ее коллектива во главе с Перцовым – это в миниатюре история многих научных, изобретательских и вообще творческих коллективов конца 50-х – середины 70-х годов. Это особый коллективизм, отчетливое чувство долга, не нуждавшееся в лозунгах и апелляциях к тому, что сказала партия и что ей ответил комсомол.

Это самоотверженность не во имя абстрактных идеалов, а во имя социально значимых целей, осознанных как глубоко личные. Настоящая наука именно так и делалась, во всяком случае в нашей стране. А убедительно рассказать об этом, наверное, можно только пребывая внутри – и тогда строительные или земляные работы видятся как необходимые ступени, ведущие к заветной цели, – а не как наказание.

У современного читателя (особенно молодого) наверняка возникает вопрос: возможны ли сегодня феномены, подобные ББС?

Я думаю, что да, но как исключение. Ведь были и другие биостанции, были знаменитые и достойные археологические, этнографические, лингвистические экспедиции. Но ББС как «организм» была исключением, а почему – вы поймете, прочитав книгу.

Подлинным вызовом сегодня является достойная цель, год за годом объединяющая людей, не обещающая притом близкой награды. Интересно бы знать, что думают об этом сегодняшние молодые люди – ровесники тогдашних школьников и студентов.... ♦